

А. Катанский

**Догматическое учение о семи
церковных таинствах**

**В творениях древнейших отцов
и писателей церкви до Оригена
включительно**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. Катанский**
Догматическое учение о семи церковных таинствах: В творениях древнейших отцов и писателей церкви до Оригена включительно / А. Катанский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 428 с.

ISBN 978-5-458-56466-3

ISBN 978-5-458-56466-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Существующіе на западѣ римско-католическій и протестантскій взгляды на историческія данныя для догматическаго ученія о семи церковныхъ таинствахъ, при всеѣ существенномъ различіи между собою, представляютъ однакожъ нѣсколько точекъ взаимнаго соприкосновенія.

Протестанты утверждаютъ ¹⁾, что ученіемъ о седмичномъ числѣ таинствъ богословская мысль привнесла нѣсколько новыхъ не данныхъ въ откровеніи истинъ. Въ св. Писаніи, по мнѣнію протестантовъ ²⁾, дано ученіе о двухъ только таинствахъ: крещеніи и евхаристіи. Къ этимъ двумъ священнодѣйствіямъ по преимуществу и прилагалось въ началѣ названіе таинствъ, хотя оно имѣло въ древней церкви весьма обширный смыслъ. Постепенно, говорятъ они, утрачивалась чистота апостольской вѣры въ таинства ³⁾, потому что съ очень ранняго времени начали, хотя на пер-

---

¹⁾ Мы имѣемъ въ этомъ случаѣ въ виду историко-догматическую теорію протестантовъ въ томъ полномъ и законченномъ ея видѣ, въ какомъ она явилась въ недавнее время, преимущественно въ трудѣ Гана: G. L. Hahn—Sacramente in ihrer geschichtl. Entwicklung innerhalb der abendländ. Kirche bis zum Concil von Trient. Bresl. 1864 (p. 79—133).

²⁾ При этомъ мы не имѣемъ въ виду крайнихъ протестантовъ, въ родѣ Штейтца (Herzog-Real-Encycl. Sacramente), который утверждаетъ, что понятіе таинства, даже въ примѣненіи къ крещенію и евхаристіи, есть въ самомъ своемъ существѣ не библейское, а богословское понятіе, будто бы перенесенное на христіанскіе обряды съ языческихъ мистерій. Мы касаемся взгляда Штейтца только въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о греческомъ постоеѣ, на который Ганъ не обращаетъ вниманія.

³⁾ По мнѣнію Гана, всю исторію седмичнаго числа таинствъ можно раздѣлить на четыре періода. Періодъ первый—до Августина; періодъ второй—отъ Августина до конца X в.; періодъ третій—до Петра Ломбарда; періодъ четвертый—отъ Петра Ломбарда до Тридентскаго собора. См. Hahn p. 79.

вухъ порахъ и довольно медленно, умножаться таинства; слово таинство (*sacramentum* = *μυστήριον*) стали прилагать и къ другимъ священнодѣйствіямъ; при чемъ оно сохраняло, однакожь, по прежнему весьма обширный смыслъ. Эти новыя священнодѣйствія отъ времени до времени то поставлялись въ одинъ рядъ съ богопреданными таинствами, то не поставлялись ¹⁾). Такъ продолжалось, по словамъ протестантовъ, до тѣхъ поръ, пока со времени Августина не началось быстрое увеличеніе таинствъ ²⁾ и ихъ появилось

---

¹⁾ По этому протестантскому воззрѣнію, до конца IV в. употребленіе слова *sacramentum* было очень обширно и разнообразно, но однакожь къ нѣкоторымъ священнодѣйствіямъ прилагали это наименованіе по преимуществу предъ прочими, именно къ крещенію и евхаристіи. Господствующимъ взглядомъ былъ тотъ взглядъ, что таинствъ только два (всѣ греч. отцы, Тертуліанъ, Кипріанъ, Амвросій); тѣмъ не менѣе и въ этотъ уже періодъ подготавливалось умноженіе числа таинствъ чрезъ воспріятіе въ ихъ среду церковныхъ обрядовъ, хотя при переносеніи таинствъ ихъ не поименовали и были далеки отъ того, чтобы ставить ихъ на ряду съ крещеніемъ и евхаристіею. Таково воззрѣніе рухъ, со времени Тертуліана начавшее стремиться къ самостоятельности и окончательно получившее ее у рим. еп. Мелхіада (+ 314), и умовеніе ногъ—во времена Амвросія признаваемое таинствомъ, впрочемъ только въ мѣдіолянской церкви.

²⁾ Такое увеличеніе количества таинствъ, по мнѣнію протестантовъ (Гана), началось съ Августина. Августинъ обыкновенно упоминаетъ о двухъ таинствахъ, но въ одномъ мѣстѣ говоритъ о большемъ ихъ количествѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно присоединяетъ къ двумъ таинствамъ третье—миропомазаніе, хотя и не усвоетъ ему характера таинства. Изъ другихъ писателей этого періода (IV—XI в.) одни перечисляютъ два таинства, другіе три (крещеніе, евхаристію и миропомазаніе, еще болѣе отдѣлившееся отъ крещенія), третьи два таинства называютъ преимущественными таинствами, не обозначая того, какія таинства они относятъ къ непервостепеннымъ. Впрочемъ, въ этотъ періодъ упоминаются не три только таинства, а не малое количество и другихъ священнодѣйствій называютъ таинствами и даже въ собственномъ смыслѣ; только пока еще не осмѣливаются ставить ихъ въ одинъ рядъ съ вышеупомянутыми тремя таинствами. Сюда относятся: 1) таинства оглашенныхъ, т. е. различныя обряды, совершавшіеся надъ оглашенными (знаменіе креста, показаніе ушей и ноздрей словомъ, благословеніе щепла и посыпаніе имъ оглашенныхъ, благословеніе соли и принятіе ея оглашенными, заклинаніе и помазаніе заклинательнымъ елеемъ), 2) посвященіе кхиріковъ, 3) помазаніе царей, 4) помазаніе больныхъ, бывшее сначала обрядомъ одной римской церкви, всеобщаго же признанія достигшее въ VIII в., 5) самое вещество: вода, елей, миро, хлѣбъ и вино, соль, свѣчи и т. п., 6) показаніе, которое, если и не вполне сдѣлалось таинствомъ, то покрайней мѣрѣ подготавливалось, чтобы сдѣлаться имъ, 7) бракъ. По мнѣнію Штейтца (*Herzog-Real-Encycl. XIII Sacramente*), первый толчекъ къ умноженію таинствъ дала гре-

съ началомъ XI в. такъ много ¹⁾, что оказалось нужнымъ раздѣлить ихъ на классы; плодомъ этой классификаціи было то, что выдѣлены наконецъ семь священнодѣйствій изъ массы всѣхъ таинствъ. Эта послѣдняя работа принадлежитъ западу, именно знаменитому схоластику Петру Ломбарду ²⁾, а съ запада это ученіе о семде-

---

ческая церковь въ лицѣ писателя VI в. Діонисія Ареопагита, насчитывавшаго 6 таинствъ и его подражателя въ IX в. Теодора Студита. Так. обр., по мнѣнію Гана, число священнодѣйствій и предметовъ, носившихъ наименованіе таинствъ, болѣе и болѣе возрастало въ этотъ періодъ, хотя между ними дѣлали еще различіе, ставя на первый планъ крещеніе, евхаристію и миропомазаніе. См. Нахп. р. 79—100.

¹⁾ Большинство писателей этого времени (XI—XII в.), по словамъ Гана, приводятъ длинный рядъ таинствъ, не дѣлая между ними никакого различія. Многие поименовываютъ опредѣленное число, но ни одинъ не согласенъ съ другимъ ни въ количествѣ, ни въ опредѣленіи того, какія именно таинства должны составлять это количество. Общее число таинствъ въ этотъ періодъ простиралось отъ 5 до 12 и болѣе. Все, носившее въ это время названіе таинствъ, можно подраздѣлить на пять классовъ: 1) всѣ тѣ церковныя дѣйствія, чрезъ которыя, сообразно съ господствовавшимъ воззрѣніемъ, сообщаются благодать, власть и права, 2) всѣ тѣ дѣйствія, чрезъ которыя бездушный предметъ освящается для церковнаго употребленія, 3) самыя предметы, освященные епископомъ и священникомъ, 4) всѣ вообще богослужебныя обряды и церемоніи, и наконецъ 5) многое другое, что мало имѣетъ между собою общаго, кромѣ мистическаго характера или силы прощать грѣхи (покаяніе, исповѣдь, вѣра, мученичество, бракъ). Изъ всего этого большинствомъ признавалось таинствами: таинство оглашенныхъ, крещеніе, конфирмація, евхаристія, покаяніе, исповѣдь или разрѣшеніе, посвященіе пресвитеровъ и высшихъ клириковъ, посвященіе въ епископа, освященіе церквей, помазаніе елеемъ больныхъ, бракъ и омовеніе ногъ. (Нахп. р. 101—106).

²⁾ По излагаемой нами протестантской теоріи, до Петра Ломбарда седемичное число таинствъ не встрѣчается, равно и изъ его современниковъ никто не принималъ этого числа, такъ что онъ оставался одинокъ въ этомъ отношеніи, да и послѣ него до Александра Галеса (+1245), хотя это число и обращало на себя большое вниманіе, оно не удостоивалось однакожъ всеобщаго признанія и не было считаемо догматомъ. Такимъ образомъ, Петръ Ломбардъ есть изобрѣтатель (Erfinder) седемичнаго числа таинствъ, что совершенно соответствуетъ тому положенію, какое онъ занялъ въ развитіи догматовъ, такъ какъ онъ, если не обнаружилъ въ этомъ отношеніи творчества, то и не относился къ догматамъ исключительно только рецептивно, а становился къ догматическому матеріалу и въ критическія отношенія, сравнивалъ авторитеты и потомъ самостоятельно, по большей части съ истиннымъ тактомъ, составлялъ собственное свое мнѣніе. Что побудило П. Ломбарда въ этой разработкѣ вопроса о таинствахъ? Прежде всего общее всѣмъ схоластикамъ стремленіе къ ясности и опредѣлен-

ричномъ числѣ таинствъ перенесено и на востокъ ¹⁾. Такова въ краткомъ изложеніи протестантская теорія образованія ученія о сед-

ности. Нужно было опредѣлять понятіе «таинство»; но опредѣленіе этого понятія тѣсно связано съ опредѣленіемъ того, что нужно считать таинствомъ; заняться этимъ и оказалось необходимымъ прежде всего. Разграниченіе таинствъ, раздѣленіе ихъ на классы не было совершенно неизвѣстно уже нѣкоторымъ изъ прежнихъ писателей (Гуго-Сенъ-Викторъ, Абелярдъ, Гуго Руенскій, Героухъ Рейхерсбергскій). Во вторыхъ, отверженіе еретиками многихъ, принимаемыхъ церковію, таинствъ естественно побуждало учителей западной церкви согласиться между собою относительно количества таинствъ, обязательныхъ для всѣхъ. При этомъ нисколько не странно, что не возвратились къ количеству таинствъ древней Церкви, къ признанію только двухъ таинствъ. «Причина такой безспорной непоследовательности, замѣчаетъ Ганъ, заключается, очевидно въ силѣ церковнаго преданія, благодаря которому много священнодѣйствій постепенно получили равное значеніе съ крещеніемъ и евхаристією. Преданіе, очевидно, обнаруживало еще большую силу, чѣмъ понятіе. Схоластники позволяли себѣ, какъ вообще, такъ и въ этомъ случаѣ, настолько опредѣлять себя въ дѣятельности чрезъ понятіе, насколько было возможно, не разрывая совершенно связи съ преданіемъ». Но, задаетъ себѣ вопросъ Ганъ, почему же въ такомъ случаѣ не приняты въ число таинствъ, вмѣсто покаянія, священства, брака и елеосвященія, другія священнодѣйствія, именно таинство оглашенныхъ, омовеніе ногъ, освященіе церкви и посвященіе епископовъ, «которыя въ церковномъ преданіи стояли на одной высотѣ»? Ихъ не признавали таинствами во вниманіи не къ ихъ природѣ, такъ какъ и семь таинствъ, принятыхъ Ломбардомъ, не представляютъ единства природы (бракъ и покаяніе сравнительно съ другими таинствами), а по соображеніямъ, какъ кажется, чисто внѣшнимъ. Всего вѣроятнѣе, что Ломбардъ принялъ въ число таинствъ тѣ, за которыя случайно высказалось болѣе авторитетныхъ людей и относительно которыхъ по этому всего менѣе можно было опасаться возраженій. Какими авторитетами онъ руководился въ этомъ случаѣ, трудно сказать навѣрное. Можно только догадываться, что онъ сравнилъ взгляды и мнѣнія: Абеярада, Гуго С. Виктора и Роб. Пуллейна на число таинствъ и такимъ путемъ выработалъ свой собственный взглядъ. Притомъ же число семь съ давнихъ поръ пользовалось особеннымъ значеніемъ и уваженіемъ. Что же касается принятія потомъ седмичнаго числа позднѣйшими схоластками, то оно объясняется тѣмъ значеніемъ, какое получила догматика Ломбарда, послужившая основой для всѣхъ дальнѣйшихъ догматическихъ трудовъ (ibid. p. 107—119).

¹⁾ О восточной церкви Ганъ, занятый исключительно западною, не говоритъ ничего, а потому мы дополняемъ его теорію изъ сочиненій другихъ протестантовъ. «Нельзя сомнѣваться въ томъ, говоритъ Штейтцъ, что въ каталогѣ Іова (монаха XIII в.) заявляетъ себя воздѣйствіе на восточную церковь церкви западной, которая относительно количества таинствъ покоична столѣтіемъ ранѣе, между тѣмъ, какъ греческая еще въ XIII в. искала себѣ завершенія, какъ по-

меричномъ числѣ таинствъ, въ томъ законченномъ ея видѣ, какой она получила въ недавнее время.

Изъ этой теоріи очевидно, что протестанты тогда бы признали ученіе о седмичномъ числѣ таинствъ постояннымъ ученіемъ Церкви, если бы они встрѣтили его выраженнымъ у древнихъ отцевъ также, какъ оно выражено послѣ въ Церкви и выражается теперь у насъ. Но не значить ли это смѣшивать выраженіе съ содержаніемъ? Не значить ли это становиться на сторону отрицательной критики, которая, не находя въ первые три вѣка, относительно догматовъ о Троицѣ и Лицѣ І. Христа, формулъ, опредѣленныхъ вселенскими соборами, отказывается признать въ Церкви существованіе вѣры въ троичность Лицъ въ Богѣ при единствѣ существа, или вѣры въ І. Христа, какъ единую ипостась при двойствѣ естествъ и воли? Ужели вѣрующіе протестанты не признали бы вселенскимъ ученія о Троицѣ и Лицѣ Іисуса Христа, если бы, по какимъ либо обстоятельствамъ, формулированіе этого ученія произошло нѣсколькими вѣками позднѣе, чѣмъ оно совершилось? Ужели сравнительно позднее время (XII в.), когда завершилось формулированіе ученія о семи церковныхъ таинствахъ, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отверженія этого ученія?

Въ современной намъ протестантской исторической теоріи образованія ученія о таинствахъ бросается въ глаза еще и другой

вызываетъ различіе (въ опредѣленіи того, какія таинства должны составлять число семь), представляемое Говомъ». (Herzog-Real-Encycl. XIII). Вліяніе же на восточную имѣла западная церковь, по мнѣнію Перроне (Rhaellect. theol. t. II с. 1 р. 15), чрезъ латинскихъ миссіонеровъ, которые съ XII в. расходились по странамъ востока. Западное седмичное число таинствъ окончательно утверждено на Флорентинскомъ соборѣ среди переговоровъ о соединеніи церквей (Hagenbach-Dogmengesch. 3 Aufl. 1853 р. 448). Соборъ Флорентинскій старался побудить (Marheineke-Symbolik. Berlin. 1848 р. 168) грековъ принять седмичное число таинствъ. Поэтому, замѣчаетъ Штейцъ (Herz. R. Enc.), когда Кле и другіе опираются на согласіе грековъ съ латинянами въ седмичномъ числѣ таинствъ, то оказывается, что эти писатели въ данномъ случаѣ приводятъ слишкомъ тонкій аргументъ. Все это, впрочемъ, не мѣшаетъ тому же Штейцу говорить, что «ходъ развитія греческой церкви въ византійскій періодъ слишкомъ мало изслѣдованъ для того, чтобы можно было съ ясностью прослѣдить непрерывность этого развитія во всѣхъ догматахъ» (ibid).

недостатокъ. Протестанты не замѣчаютъ весьма важнаго противорѣчія въ своей теоріи. Справедливо утверждалъ, что слово „тайнство“, на языкѣ древнихъ отцевъ и даже послѣ нихъ до Петра Ломбарда, имѣло весьма широкій смыслъ, они однакожь свою историческую теорію постепеннаго умноженія таинствъ основываютъ на томъ, когда къ какому изъ священнодѣйствій прилагается это наименованіе. Если это слово въ значеніи спеціального термина есть явленіе позднѣйшее, а слѣдовательно таково же и то понятіе, для обозначенія котораго оно явилось, какъ терминъ, то можно ли строить на употребленіи его въ древне-отеческомъ періодѣ какія либо предположенія? Если слово *μυστήριον* = *sacramentum* изъ всѣхъ таинствъ прилагается всего чаще въ древности къ крещенію и евхаристіи, хотя въ то же время этимъ словомъ обозначается весьма многое, совсѣмъ не относящееся къ литургической области, то не есть ли это признакъ того, что преимущественное наименованіе, въ твореніяхъ древнихъ отцевъ, крещенія и евхаристіи таинствами не имѣетъ особеннаго значенія? Не значить ли это, что приложеніе такого наименованія къ крещенію и евхаристіи само по себѣ, отдѣльно взятое, еще не свидѣтельствуетъ о сакраментальномъ ихъ значеніи, а равно и неприложеніе его къ другимъ священнодѣйствіямъ также ничего не говоритъ противъ признанія за этими послѣдними значенія органовъ благодати? Далѣе, если колебаніе древне-церковной терминологіи заставляетъ протестантовъ обращать вниманіе на то, какъ отцы разсуждаютъ о крещеніи и евхаристіи, то не слѣдовало ли бы протестантамъ держаться того же метода изслѣдованія и относительно другихъ таинствъ? Этого, однакожь, они не дѣлаютъ, сразу же рѣшая, что остальные таинства не суть таинства, какъ скоро не находятъ усвоенія всѣмъ имъ съ самаго же начала названія таинствъ, а присоединяютъ ихъ къ двумъ таинствамъ постепенно, по мѣрѣ приложенія къ нимъ этого наименованія.

Ничто подобное допускаютъ и римскіе католики, при пользованіи историческими свидѣтельствами о таинствахъ. Противъ протестантовъ они усиливаются обыкновенно выставять, относи-

тельно каждаго изъ таинствъ, такіа свидѣтельства, въ которыхъ бы встрѣчалось слово таинство и главнымъ образомъ стараются о томъ, чтобы набрать такихъ мѣстъ побольше числомъ и древнѣе по времени. Правда, приводятъ много и другихъ, самыхъ разнообразныхъ данныхъ для подтвержденія ученія о томъ или другомъ таинствѣ, какъ именно таинствѣ; но при этомъ все-таки придаютъ особенное значеніе тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ встрѣчается наименованіе того или другаго священнодѣйствія таинствомъ. Въ объясненіе того факта, что въ твореніяхъ отеческихъ не встрѣчается ни формулы седмичнаго числа таинствъ, ни даже (у многихъ отцевъ) наименованія большинства таинствъ таинствами, указываютъ на *disciplina arcani* и чрезъ то даютъ понять, что, по ихъ мнѣнію, отцы прилагали къ таинствамъ *μυστήριον* = *sacramentum* въ томъ же смыслѣ, какъ и мы, но только не хотѣли, по особеннымъ причинамъ, говорить предъ всѣми, сколько именно христіанскихъ таинствъ и какія они у христіанъ. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ римскихъ католиковъ стараются отрѣшиться отъ подобнаго пріема, какъ показываетъ сочиненіе Грене ¹⁾. Авторъ этого сочиненія, задавшись мыслью прослѣдить употребленіе слова *sacramentum* въ твореніяхъ западныхъ отцевъ до Августина вѣлчительно ²⁾, приходитъ къ тому заключенію, что это слово въ отеческомъ языкѣ имѣло весьма широкій и разнообразный смыслъ. Но и Грене придаетъ болѣе значенія, чѣмъ сколько слѣдуетъ, усвоенію этого наименованія таинствамъ; по его мнѣнію, отцы, между прочимъ чрезъ самое приложеніе этого слова къ нѣкоторымъ изъ таинствъ, выражали мысль о присутствіи въ этихъ священнодѣйствіяхъ особенной благодати, освящающей человѣка чрезъ чувственные знаки.

Таковы два господствующихъ на западѣ взгляда на разсматриваемый предметъ, одолженные своимъ происхожденіемъ характеристическимъ особенностямъ протестантства и римскаго католицизма.

---

¹⁾ V. Gröne-Sacramentum oder Begriff und Bedeutung in der alten Kirche bis zum Scholastik. Brilon. 1853.

²⁾ Не занимаясь содержаніемъ ученія отцевъ о таинствахъ, онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на вѣшной его сторонѣ, именно на словѣ *sacramentum*.

Римскіе католики, по свойственной имъ склонности смѣшивать временное съ вѣчнымъ, измѣняемое съ неизмѣняемымъ, стараются возвестъ самую форму, какою съ теченіемъ времени получило учение о таинствахъ, на степень *ученія*, даннаго, — съ самаго начала существованія Церкви, — въ преданіи, но до времени сохранявшагося *in disciplina arcani*. Протестанты также, хотя держатся совѣтъмъ другаго взгляда на этотъ предметъ, но согласно съ католиками смотрятъ на позднѣйшую форму ученія о таинствахъ не какъ на форму, а какъ на новый элементъ, привносящій нѣчто будто бы существенное въ содержаніе вѣры, словомъ, какъ на *новый догматъ*, новое ученіе, не бывшее прежде въ сознаніи церковномъ или преданіи. Такимъ образомъ, при всемъ различіи, тѣ и другіе сходны между собою въ томъ, что не различаютъ, смѣшиваютъ форму и содержаніе богооткровеннаго ученія о таинствахъ.

Намъ кажется, что только православный востокъ можетъ отнестись со всею научною строгостію къ историческимъ даннымъ, касающимся разсматриваемаго предмета, безъ ущерба для вѣры въ таинства, ничего не скрывая и не допуская очевидныхъ натяжекъ, подобно римскому западу, и въ тоже время не доходя до отверженія седемичнаго числа таинствъ, подобно протестантамъ. Можетъ онъ это сдѣлать, благодаря началу религіозной своей жизни, — православію, которое заключаетъ въ себѣ все условія для примиренія требованій вѣры съ требованіями науки. Православіе даетъ свое мѣсто и значеніе и божественному и человѣческому, — не обоготворяя естественнаго, человѣческаго, подобно католичеству, и не изгоняя человѣческаго, не могущаго будто бы быть въ союзѣ съ божественнымъ, безъ нарушенія святости и чистоты послѣдняго, подобно протестантству, — а потому оно даетъ возможность освѣтить полнымъ, истиннымъ свѣтомъ историческую судьбу седемичнаго ученія о таинствахъ. Строго отличая форму отъ содержанія въ ученіи о таинствахъ, считая формулу и самый терминъ „таинство“ стороною догмата вѣщною, несущественною, допускавшею до извѣстнаго времени измѣненія, подверженною законамъ историко-догматическаго раскрытія, а самыя таинства и взглядъ

на нихъ Церкви или извѣстное церковное о нихъ ученіе богооткровеннымъ содержаніемъ церковнаго преданія ¹⁾, богословъ восточной церкви можетъ допустить безъ ущерба для вѣры и—какъ намъ кажется—для исторической правды слѣдующій взглядъ на историческія данныя, относящіяся къ ученію о седмичномъ числѣ таинствъ.

Съ догматическимъ ученіемъ о таинствахъ могло повториться тоже самое, что и съ другими пунктами христіанскаго вѣроученія ²⁾. А съ этими послѣдними, на примѣръ съ ученіемъ о св. Троицѣ, было слѣдующее. Въ Церкви православной всегда существовало, во всемъ объемѣ составныхъ своихъ частей, это ученіе, не представляя однакожь до извѣстнаго времени сосредоточенія всѣхъ богооткровенныхъ частныхъ мыслей въ такихъ точныхъ и краткихъ положеніяхъ и терминахъ, которые вошли въ употребленіе въ IV в.; таковы формулы, касающіяся ученія объ единствѣ по существу и различію по лицамъ, а равно и самые термины: *οὐσία*, *ὕποστασις*, *ὁμοούσιος* и др. Тоже было и съ ученіемъ о Лицѣ I. Христа, какъ Богочеловѣка. И это ученіе, несомнѣнно существующа всегда въ Церкви Христовой во всѣхъ частяхъ, составляющихъ его объемъ, до извѣстнаго времени не было однакожь формулировано въ немногихъ точныхъ положеніяхъ, исчерпывающихъ все ученіе о Лицѣ Богочеловѣка и условныхъ терминахъ, въ какіе оно облечено въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Для того, чтобы то и другое ученіе получило такую форму, для этого нужно было, чтобы откровенныя истины прошли извѣстный періодъ формальной дѣятельности ума отцевъ и учителей церкви, подъ руководствомъ Духа Божія, предохранявшаго ихъ разумъ отъ примѣся человѣческихъ представленій къ содержанію богооткровен-

---

¹⁾ См. болѣе обстоятельное раскрытіе взгляда на эти двѣ стороны догмата въ нашей статьѣ: «Объ историческомъ изложеніи догматовъ» (Хр. Чт. 1871. Май).

²⁾ На эту аналогію ссылается и Грене (р. 24), но въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, безъ подробнаго обозначенія частнѣйшихъ чертъ сходства въ историческомъ раскрытіи ученія о таинствахъ съ подобнымъ же раскрытіемъ ученія о другихъ догматахъ, между тѣмъ какъ въ этихъ подробностяхъ и заключается сила и значеніе подобной аналогіи.

ной вѣры. И Церковь,—воспринявъ результаты ихъ богословствованія и выразивъ эти результаты въ краткихъ формулахъ и терминахъ, прежде или вовсе не употребительныхъ или не бывшихъ только въ общемъ употребленіи,—безъ всякаго сомнѣнія ничего чрезъ то не измѣнила въ сущности богопреданнаго ученія, не ввела въ него ничего существенно новаго, а только выразила всегдашнее свое ученіе новымъ способомъ. Если мы не сомнѣваемся, что такъ было съ ученіемъ о св. Троицѣ и Лицѣ І. Христа, то не позволительно ли думать, что точно тоже самое было и съ ученіемъ о таинствахъ?

Въ настоящее время у насъ ученіе о таинствахъ вполне формулировано; мы говоримъ: „таинствъ церковныхъ семь“, при чемъ слово „таинство“ становится условнымъ терминомъ, съ которымъ соединяется извѣстный смыслъ. Этотъ терминъ является у насъ общимъ понятіемъ, объединяющимъ въ себѣ четыре частныя догматическія мысли, именно: 1) что въ извѣстныхъ священнодѣйствіяхъ низводятся на вѣрующихъ извѣстные, опредѣленные ¹⁾ дары благодати, 2) что эти дары подаются посредствомъ видимой стороны, чувственнаго элемента или священнаго дѣйствія, а не непосредственно самимъ Богомъ, такъ что благодать въ таинствѣ тѣсно соединена съ видимою его стороною ²⁾, 3) что такіе способы сообщенія благодати вѣрующимъ установлены самимъ Богомъ и предоставлены для совершенія особеннымъ, поставленнымъ на то лицамъ (церковной іерархіи) и 4) что такихъ способовъ низведенія извѣстныхъ благодатныхъ даровъ на вѣрующихъ только семь, не болѣе и не менѣе. Всѣми этими частными чертами таинства отличаются отъ обрядовъ ³⁾ и всѣ эти частныя мысли

---

¹⁾ См. Догм. Бог. пр. Филарета § 234.

²⁾ Тамъ же. Ту же мысль выражаетъ и Посл. восточ. патр. о вѣрѣ (ч. 15), когда говоритъ, что таинства не суть только знаки обѣтованій Божіихъ, а суть орудія, которыя *необходимо* дѣйствуютъ благодатию на приступающихъ въ оныя.

³⁾ Обряды въ ихъ отличіи отъ таинствъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Они 1) суть только знаки благодати Божіей; чрезъ нихъ благодать не дѣйствуетъ на человѣка необходимо, иначе сказать благодать не соединена съ ними необходимо. 2) Если же человѣку, участвующему въ обрядахъ, и подаетъ